

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО УЗЛЫ

ИРИНА БАКУЛИНА * ИГОРЬ ВАРДУНАС

Ф358

КЛЕТКА

FUTURE CORP.

18+

Метро

Игорь Вардунас

Метро 2035: Клетка

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вардунас И. В.

Метро 2035: Клетка / И. В. Вардунас — «Издательство АСТ»,
2020 — (Метро)

ISBN 978-5-17-117489-7

С небес обрушилась кара, но... небеса промахнулись. В исправительной колонии особого режима для пожизненно осужденных выжили очень многие. Не только сотрудники и чудом спасшиеся гражданские, но и организаторы банд, массовые убийцы, жестокие насильники и, конечно же, те, кто уверен, что ни в чем не виноват. Однако абсолютно для всех время превратилось в прямую линию на мониторе сердечного ритма человечества. К стене, руки за спину, ноги шире плеч! Добро пожаловать в «Белый лебедь».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117489-7

© Вардунас И. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пустота	6
Часть I. Страна нигде	11
Глава 1. Желаю	11
Глава 2. Точка отсчета	26
Глава 3. Пепел	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Игорь Вардунас, Ирина Бакулина

Метро 2035. Клетка

© Глуховский Д., 2017

© Вардунас И., Бакулина И., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Авторы благодарят Игоря Осипова
за неоценимую помощь в работе над книгой,
образы ИО начальника колонии и зама по БОР,
а также описание первого дня,
когда все закончилось и...
началось.*

Пустота (вместо пролога)

14 октября 2014 года

– Па-ап!

Снова этот голос. Детский, пронзительный. Звенит со всех сторон сразу. Словно я брожу по лабиринту кривых зеркал, где все – даже запахи и звуки – преломляется, искажается, перекашивается, а потом бессильно оплывает, будто воск по тоненькому боку свечи...

Свеча тает неумолимо, как и твоя жизнь, жмуридзе.

Озираюсь.

Меня окружает вязкая, тягучая Хмарь. В этот раз настолько плотная и густая, что я с трудом различаю пальцы вытянутой руки. Хмарь клубится вокруг перчатки. Шевелится, словно в замедленной съемке. Тяжелыми каплями оседает на поцарапанном стекле самодельной маски. Тонкими дымными щупальцами проникает сквозь дыхательный фильтр, стараясь забраться в самую душу и высосать ошметки того, кого я считаю собой. На сколько еще меня хватит?

Перед глазами пульсируют алые пятна, словно распускаются и сразу же увядают огромные цветы. С трудом вспоминаю, что видел такие давным-давно, до Катастрофы. Точно, это тюльпаны, алые тюльпаны с черной сердцевинкой.

Тут в латаной рифленой трубке, ведущей от маски к рюкзаку за спиной, что-то тонко пищит, и я чувствую... Сетка-фильтр прохудилась, вот черт! Состояние тупого созерцания сносит приливом холодного ужаса. Бросаю щуп из довоенной лыжной палки, срываю на воротник маску. Выплываю мерзко шевелящуюся мушку, втягиваю воздух сквозь зубы. Ох и повезло же, что не проглотил!

Когда-то давно умница Мичурин придумал так называемую «дыхалку», ведь годных респираторов оставалось совсем немного, а в рейды без них или запаса кислорода надолго ходить – натуральное самоубийство. Гниющие болота свободному дыханию, то есть без периодически накрывающих галлюцинаций, не способствуют, а уж про Хмарь и говорить нечего.

В общем, «дыхалка» – это девятнадцатилитровая пластиковая бутылка из тех, которые раньше по офисам развозили, наполовину заполненная землей и крепкой настойкой неведомой разлапистой зелени. Как раз на рейд кислородом подышать. Но иногда в этом мичуринском «компосте», пусть и не один раз просеянном и процеженном, попадались страшные вредные насекомые. Не чета довоенным клопам с тараканами, которых тогда многие опасались. Даже дальневосточные клещи или какие-нибудь мухи цеце на фоне нынешних пакостных мутантов оказались настоящими пайниками.

До фильтров, разумеется, быстро додумались, но первое время, когда в бутылки или шланге что-то начинало гудеть или шебуршать – ух как страшно было. Однажды Карапетов глотнул такое и чуть не задохнулся, еле доволокли, все зелеными букашинами кашлял. Как прокашлялся, дня три вроде и ничего было: повеселел, на работу в мастерскую со всеми вернулся. А потом из него какая-то хрень посреди бела дня полезла. Взломала череп, верещала, булькала зеленым. Еле забили то, во что превратился обезумевший, слепо метавшийся по столовой бедолага...

Мичуринским девчонкам тогда влетело по первое число: как так получилось, что сырье плохо промыли? Девчонки терпели, кусали губы, а потом взорвались: вскочили, руками замахали, заголосили сквозь слезы, мол, а вы чего хотели, кто обещал к теплицам обогрев провести и воду пустить? Почему они в холодной воде работать должны, которую им же еще

и натаскать надо? Почему нужно было кому-то сдохнуть, чтобы все устроили как следует? В общем, начальство таки пробрало, и девчонкам действительно все сделали по первому разряду. А Мичурин, освобожденный от всех иных работ, тут же обнаружил какую-то интересную травку, от которой любая насекомовидная пакость дохла сразу, только в путь. Однако даже у самых лихих мужиков, надевавших заготовленный баллон, все равно каждый раз под ложечкой екало. Смерти мало кто боялся, давно уже свыклись с ее смрадным дыханием, кое-кто годами костлявую ждал, но... по *такой* дорожке, протоптанной Карапетовым, торопиться желающих не было.

Так, к черту. Надо переключиться... А пахнет сегодня вкусно: то ли подорожником, то ли крапивой. Девчонки только вчера теплицы обошли, вот и настой залили свеженький, душистый. Как будто легкий дождик прошел. Хоть кипяток добавляй да чай гоняй.

На контрасте воздух в Хмари – удушливое говно, вязкими слизнями ползущее в ноздри. Ладно. Чуть постоять, вдох-выдох, вдох-выдох, само отпустит.

– Папа!

Трясу головой, хмыкая: да ладно! Морок, бред.

Мою Полинку погубили еще до Катастрофы, а у остальных лебедей, вышедших сегодня в очередной рейд, отпрысков никогда и не было. Или они об этом знать не знают. Дети сейчас есть только у вольных и у тех, кто из конвоя. Ну и у граждан начальников, которые в Хмарь не ходоки. Мы тоже не рвемся, разумеется, только иногда возникает ситуация, когда надо. И в этом случае все просто: «Встал и пошел». А бывает, как в этот раз. Обычный поиск, обычные лебеди и обычный конвой, вот только Хмарь сегодня необычная. Слишком быстрая. Хитрая и опасная. Удрать не успели, моментом накрыла.

– Э-эй! – ору я в этом чертовом Нигде.

Словно издеваясь, в лицо ударяет холодный сырой ветер, на пару секунд отгоняя липкий туман. Меня окружает лишь волглая грязно-рыжая трава по колено. Твари отстали. Или мы все же смогли перебить эту стаю начисто? Я на таком взводе, что мне плевать, если привлеку еще каких-нибудь зверюг. Хоть что-нибудь, хоть какое-то движение, ну пожалуйста... Но вокруг лишь медленно клубится туман, обволакивает, глуша звуки и давя эхо в зародыше. Я словно жук в спичечном коробке, набитом ватой.

– Шпунт! Герыч, Сла...

Горло перехватывает, я кашляю и бессильно умолкаю. Надо возвращаться на Остров, но как? Стрелка на компасе дрожит и пляшет, словно издеваясь. Вокруг белесое марево. Надо мной – тоже. Борода пропиталась маслянистой влагой с душным запахом, хоть выжимай. Под ногами хлюпает жижа. Куда же я забрел? Опускаю голову. Ноги ниже колена поглотила серость, ничего не видно. Приседаю, неловко шарю свободной рукой в поисках брошенного шупа. Прямая ржавая трава, напоминающая прокисшие макароны. Пальцы захватывают что-то небольшое, твердое. С удивлением вижу на своей ладони новенький блестящий болт. Как это вообще возможно?

– Папа, ты здесь?

Дрожащий, испуганный детский голос.

Собираю побольше слюны. Плевок мгновенно скрывается из виду, растворяясь в белесом ничто. Нет уж, меня не обманешь. Не заманишь, не сожрешь. Я стреляный воробей, пуганный лебедь с крыльями в крови, поняла, тварь?!

– Да болт я на тебя клал, сука! В сто раз больше этого!

Грозно трясу в никуда кулаком с зажатым в нем болтом.

Тишина.

Перевожу дыхание. Взгляд падает на обрубок троса, конец которого привязан к моему болтающемуся на ремне карабину, пятнистому от ржавчины, словно далматинец. Поднимаю, подношу к глазам. Срез косой, но ровный – не пилили и не грызли вроде... Отрезал кто?

Да почувствовал бы. Хотя в Хмари все мысли и ощущения в мгновение ока вставали с ног на голову, выворачивая тебя наизнанку, сколько ни сопротивляйся. Но я ведь вроде никому дорожку не перебежал. Или не заметил просто? Предать сейчас – как от шоколадки откусить.

Шоколад.

Звяк, звяк...

Дозвякался.

А ведь я не ощутил ни толчка, ни натяжения, вообще ничего. Меня словно мягко отделило от остальных в момент, когда из ниоткуда поперли зверюги. В Хмари ведь лучше не разделяться, вот и ходим в рейдах на веревочке, как детсадовцы, и переключка каждые пять минут. Малейшее натяжение означает, что ты удалился на опасное расстояние от напарника и лучше поторопиться. Трос, мертвой змейкой провисающий до земли, – идеален. Твари появились мгновенно, бесшумно. Словно призраки, на короткое время обернувшиеся существами из плоти и крови, а теперь их растворила, вобрала, всосала в себя Хмарь, вот уже почти год караулящая Остров уцелевших лебедей в надежде сожрать всех до последнего...

Давишь, сволочь? А вот хрен тебе!

Вдох.

– Эй, кто-нибудь! Делеша! Карбид!

Вязкая тишина.

Хмари все равно. Ей плевать.

– Да где вы все?!

Задумчиво смотрю на мачете с засохшими густо-синими подтеками. На отполированную ладонью рукоять автомобильной коробки передач в виде пистолета. Экзотика, в прошлой жизни на каком-нибудь «Бентли», небось, стояла. Хотя откуда у нас «Бентли». Просто япошка, «бимер» или «мерс», у хозяина которого гонор через край хлестал. Жаль, хромированную нержавейку и деревянные вставки пришлось обмотать черной изолентой, зато лезвие зачетное – высоколегированная сталь! ПВХ да железу, если о них заботиться, как и Хмари, все нипочем.

Щелк-щелк, щелк-щелк.

Перехватив ручку, безымянным пальцем нажимаю на декорированный спусковой крючок, превращенный теперь в нечто наподобие набалдашника. Засадишь таким с разворота в лоб – и просим к черту в гости. Отличная штука, рекомендую.

Щелк-щелк.

Бездумно засовываю мачете в самодельные ножны. Поправляю лямки: опрессованная изнутри банка «дыхалки» и рюкзак ноша не ахти какая, но все же. Выбросить бы хабар, да вроде и не тяжело, найти успел всего несколько запчастей для гаража, набор масляных красок да куклу-карапуза с одним глазом и без руки, настолько страшную, что замотал в тряпицу и засунул на самое дно. Ну ничего, наши умельцы и руку из дерева выточат, и глаз сообразят, то-то малышня обрадуется. Из ценного разве что прошлогодний апрельский «Космополитен» с совершенно целенькими пробниками – два крема для лица, два шампуня и маленький жестяной контейнер с четырьмя тампонами. Да, глянец – весьма стоящая штука! И женщинам почитать, и мужикам посмотреть, да еще и попадают всякие помады и блески для губ, лосьоны и кремы, пакетики специй и кофе, иногда даже духи... За такой ништяк можно выходной на огороде или в мастерской получить, а то и магарыч какой от начальства, а уж особенно от их жен.

Нам, лебедам, шампунь по статусу не положен, обходимся продукцией нашего мыловаренного мини-цеха. Бабка Паша, хоть и под восемьдесят ей уже, так дело поставила, что в прежние времена неплохие деньги зарабатывала бы. Какое хочешь мыло сварит: и оранжевое на моркови, и зеленоватое душистое на крапиве и мяте. Грех жаловаться. Но вот Юрка, то есть врач Калинин, недавно с днем рождения меня поздравлял, так в пакете с подарками оказался пробник с шампунем. Знаю, реально порадовать хотел. Он же меня с детства опекал, словно

старший брат, и в школе заступался, и на работу в свое время устроил, и на свадьбе моей гулял... Только у меня духу не хватило открыть тот пакетик. Снова почувствовать сладковатый запах «морской свежести» или долбаного алое... Это трупный запах. Химия бессмертна. Ей все равно, в каком ампула предстать перед нами – хоть в виде ароматного шампуня, хоть в виде говна, которое на нас сбросили в таком количестве, что из всего города только Остров и устоял. Да и волос у меня давно уже нет. Под вспревшей «вязанкой» привычная выскобленная черепушка.

Сколько я здесь? Смотрю на часы, добротные, механические. Их, как и оружие, выдают только рейдерам и держат под таким замком, под которым не прячет свою задницу обиженный Зюзя. Посеешь или сломаешь – таких звезд огребешь, что карцер раем покажется.

– Э-эй!

Бесполезно. Уже понятно, что не отзовутся.

Не слышат.

Тихий, отдаленный звук. Слева. Где-то там, далеко, в клубящемся влажном мареве неспешно бредет что-то огромное и неповоротливое.

Внезапно накатывает страх. Не от одиночества, а от нахлынувшего желания скорее оказаться... *дома*? А затем приходит чудовищный, животный ужас осознания того, что за *теми* стенами я в безопасности. Хотя любой другой душу бы продал, чтобы об этом даже не слышать.

Надеваю маску «дыхалки», нахожу наконец шуп и иду.

Под сапогами чавкает, хлюпает, приминается. Будто понаделали в планете дыр, вот и сдувается она потихоньку, как футбольный мяч.

Сполох.

Показалось? Марево такое плотное, что лучи солнца редко проникают сквозь него.

Еще сполох.

Протираю маску запястьем, жду.

Вот снова, и потом все чаще и чаще.

Ритмичный, голубоватый, словно проблесковый маячок полицейской машины или «скорой». Свои! Сигналят!

Поправляю рюкзак, собираю остатки сил, бегу. Но свечение не приближается. Наоборот, манит, словно в ночном кошмаре, при этом оставаясь на недостижимом расстоянии. Дыхание клокочет под плотной резиной маски.

Спотыкаюсь обо что-то, падаю.

Страшное, развороченное нечто, от которого все еще поднимается пар. Одна из тварей, которых разметал наш рейд?

Поднимаюсь, снова бегу на огонек. Запрыгиваю на плот, заклиная всякой ересью цепь над головой, несущую на ту сторону. Молиться? Как? Кому? Богу, которого я не знаю? Хмари, которая то казнит, то милует? Впрочем, почему бы и нет... «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй»¹, помилуй меня, отпусти живого и невредимого...

Тр-р-р-р.

Вот уже слышу, как работает прибрежный двигатель.

К безопасному берегу, скорее, ну же, ну же! Идиоты, весло на днях утопили, а новое сделать не успели. В голове тупо пульсирует мысль: нет, это не могут быть свои, ну откуда на нашем Острове – крошечном огрызке Соликамска – возьмется проблесковый маячок? Да и плот... Он должен быть у пристани, а не возле противоположного берега...

Достаю из кармана найденный болт. Размахиваюсь и швыряю его подальше.

¹ Эпиграф к книге Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Видоизмененная строка из поэмы В. Тредиаковского «Телемахида».

Внезапно хлестко бьет по ушам давно отпечатавшееся на подкорке, словно дорожка на пластинке, начало «Лебединого озера», и сполохи прекращаются. Пospешно выбираюсь на пологий берег к тарахтящему движку, поскальзываюсь, падаю на колени возле форпоста с его высоким железным крестом – особый отряд, пожалуйста, пожалуйста, помощи – и Хмарь тут же расступается, выталкивает меня из своего душного туманного чрева и мертвенно выдыхает в затылок детским голосом:

– Папа...

Если бы это была правда, Полинка, если бы только это была...

Захлебываясь душистым зеленым воздухом «дыхалки», бегу, бегу что есть сил.

– Стой! Кто там?!

Резко останавливаюсь, не в силах поверить в реальность голоса и сразу ответить, понимая, что каждая секунда молчания грозит смертью. Поднимаю руки, чтобы на вышках их видели.

– Это я! Болт! Генка я...

– Ближе! Покажи лицо!

Маску срываю быстро, а приближаюсь медленно, чувствуя на себе холодные черные зрачки винтовок. Одинокaя маленькая мишень.

Мучительная пауза.

– Черт, где тебя носило?! Все уже вернулись.

– Напали же... Вдруг... Заблудился...

– Че на морде-то, землю жрал?

Заливисто, явно сбрасывая напряжение, смеются, отводят винтовки. Я тоже выдыхаю.

– Так, споткнулся.

– Пароль!

– Чечевица.

– Ладно, двигай булками... Живее! Открыть ворота!

БАЗ-3!

Скрежет металла и лязг открывающейся створы звучат великолепной музыкой. Это – двери в мир, который намного страшнее окружающего. И тем не менее с облегчением понимаю...

Я дома.

Часть I. Страна нигде

«Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, вдвое скрученная, нескоро порвется».
Екклесиаст 4:9-12

Глава 1. Желаю

31 декабря 2034 года – 1 января 2035 года

Хр-р-рз, звяк, шр-р-р...

Пауза.

И снова.

Хр-р-рз, звяк, шр-р-р...

Пауза...

Далекий звук приносили стены. Его усиливали латанные-перелатанные кишки ржавых труб, заткнутые где возможно ветхими трусами, носками и прочим пришедшим в негодность тряпьем, которое лебеди таскали из прачечной или рейдов. Сама конструкция из металла и бетона словно издевалась над своими обитателями в этот час.

Лежа на своей шконке, Болт с кривой усмешкой покосился на старый будильник без стрелок. **В этот час.** Как будто здесь существовало время.

Это слышали все. Заученное до зубовного скрежета сочетание звуков – словно азбука Морзе, доносящаяся из преисподней. Преисподняя здесь повсюду, но **в этот час** она концентрировалась наверху. На техническом этаже массивного пятиэтажного здания, давившего, вжимавшего людей в пол, в фундамент, в грунт, силясь сломать остатки воли и самообладания. Это шумное воплощение преисподней – как абстинентный синдром в легкой форме у алкоголика – нужно перетерпеть, пока не отпустит.

Или пока не выпадет жребий идти **туда**. Сторожа развлекать. Который скорее бесследно заберет, чем отпустит, окончательно сведя с ума. Как карта ляжет. Каждому свое на роду написано.

Невозможно было предугадать, когда Ночному Обходчику захочется пошуметь. Болт припомнил, что в две тысячи двадцатом он пришел всего однажды, а вот в двадцать седьмом колобродил чуть ли не каждый месяц. Хорошо, что любое его посещение ограничивалось одним часом. Всегда. С десяти до одиннадцати вечера с технического этажа доносились тяжелые шаги, грохот, выстрелы, невнятные ругательства, из неисправного динамика хрипло лилась мелодия «Лебединого озера». Ночного Обходчика неведомым образом было слышно везде – даже в теплицах и гараже, даже в кабинете самого начальника Чулкова.

А в конце часа раздавалось неизбежное: хр-р-рз, звяк, шр-р-р...

Сухой шорох дубинки охранника, не спеша скребущей по бетону стены, а потом ныряющей в дверной проем.

Вот и сейчас пятьдесят семь человек в камерах не спали, хотя каждый умел отключаться сразу же после отбоя, моментально, еще не коснувшись щекой подушки. Они беззвучно шеве-

лили губами, считая звяки заступившего «на смену» Обходчика. Если их будет не пятьдесят семь, а хотя бы на один меньше...

Иногда Обходчик, словно издеваясь, делал перерывы. Вот и сейчас: хр-р-рз, звяк... И тишина, тишина до звона в ушах, до судороги в скулах.

И вдруг в соседней камере – раскатисто, хрипло:

Лежали на нарах два рыла,
О воле грустили друзья-я!
Один был по кличке Бацилла,
Другого кликали Чума-а-а...

– Труха, заткнись!

– Звиняюсь, командир! Накипело! Душу дерет, аж мочи нет...

И Труха, в далеком прошлом главарь бандитской группировки, убийца семи человек, громко, на грани истерики захохотал. Болт увидел его как наяву – старого, с всклокоченными вихрами вокруг плешивой макушки, в майке-алкоголичке, запрокинувшего голову и лыбящегося в потолок щербатым ртом. Треники обвисли на сухих и тонких, словно у довоенного кузнечика, коленях. Вот-вот готов заплакать...

Но полегчало сразу. Так периодически делал каждый. Назло Обходчику. Чтобы просто переключиться. Разрушить мертвую тишину, из которой Обходчик, казалось, и приходил. Все знали, что охранникам тоже не по себе: в такие моменты они лишь прикрикивали, да и то для проформы.

Шр-р-р...

И пятьдесят седьмой «звяк».

Авто, мото, вело, фото,
Гребля, бабы и охота.

Горланил Труха уже явно от облегчения: в этот раз чердачная тварь никого себе не потребовала. А следующая «смена» Обходчика когда еще будет! Может, через месяц, а то и вовсе через полгода.

Рассеянно вслушиваясь в затихающие вопли, Болт лежал и смотрел на будильник с отломанными стрелками. Что же он на самом деле? *Что такое* этот Обходчик?

Че почем – хоккей с мячом.

И кстати, что все-таки поселилось в Аду – в бывшем административном корпусе? Совсем недавно там вновь стало настолько тихо и спокойно, что решились послать троих в рейд. Не вернулись. Искать пропавших никто не хотел, а впрочем, и жеребьевку еще не проводили. Хотя кто-то пустил слухок, что все решит следующий бой.

Хитили – похитили,
На хрен не хотите ли?

Похитили. Болт вновь уставился в потолок. Зачем Обходчик это делал? Развлекался игрой в «кошки-мышки»? И не пошел бы он по предлагаемому Трухой адресу? Этого желали все. Болт вздохнул. Желание. «Говорят, под Новый год...» Как давно это было. Умерло вместе с прошлой жизнью.

Но вот теперь ничего вокруг нет, а они живы. Чертова ирония...

Болт криво улыбнулся, вспоминая.

Геннадий Болотов – Болт, как его в первый же день для краткости окрестил сокамерник с погонялом Аптекарь, хмурясь и то и дело поглядывая на оконную решетку, сидел за столом в своей камере. Лежать днем строго воспрещалось, даже несмотря на то, что сегодня было воскресенье.

Что же там, снаружи, сейчас происходит? Далекие удары, визг шин, истошные крики... Никогда такого не было. А ведь он здесь уже год. Всего год! Целый год! Он почти уже привык к этой жизни. И сколько подобных «целых годов» ему отпущено в его пожизненном заключении?

В камере Болт находился один, сокамерника вывели на прогулку. Топтаться в таком же бетонном мешке, как и в том, в котором он остался, он отказался. Не видел большой разницы между серым бетонным потолком и серым небом за решеткой над прогулочным двориком. Отказ от прогулки – это единственное проявление собственной воли, которое было позволено в этом месте. Да и просто хотелось побыть одному, редко выпадали такие моменты. Поэтому Болт просто тупо сидел за столом, пока...

Пока за дверью не послышался дробный топот, не лязгнули стальные «реснички» смотровой щели и не прогремел бас охранника:

– К стене, руки за спину, ноги шире плеч.

Если не выполнить команду моментально, то спустя несколько секунд в камеру ворвутся двое-трое громил и наглядно с помощью дубинок продемонстрируют преимущество этой позы для встречи гостей. Поэтому Болт рефлекторно подскочил с табурета и замер возле стены, упираясь в нее лбом. Загремел замок двери, и практически сразу, как в камеру вошли охранники, на руках заключенного защелкнулись наручники. Болта наклонили низко к полу, подняв скованные за спиной руки, и в этой неудобной позе куда-то быстро потащили.

В коридоре оказалось полно народу. Непривычно. Просто невероятно непривычно. Даже две камеры никогда одновременно не открывали, а тут рядом с Болтом в той же позе вели еще троих. По всему коридору вдоль стен стояли охранники, вооруженные автоматами. Где-то надрывалась собака, норовя дотянуться до проводимых мимо заключенных.

Происходило нечто совсем неординарное. Попытавшись приподнять голову, чтобы что-то разглядеть, Болт сразу схлопотал кулаком по затылку. За спиной громкий крик и звуки возни прервались хлестким выстрелом.

Трясущегося от лихорадочного возбуждения – коктейль из жуткого страха и все переворачивающего внутри любопытства – Болта отвели в подвал и, не сняв наручники, затолкнули внутрь просторной камеры, где уже стояло около десятка заключенных. Наверное, и у него на лице застыло то же удивление, которое он читал на лицах своих новых сокамерников.

Болт замер, тяжело дыша, оглядываясь и вслушиваясь. Чувствуя, как где-то внутри судорожно сжимается в комочек что-то, вмиг ставшее одиноким и испуганным.

Душа?

Болт что есть силы потряс головой, отгоняя видения прошлого. О чем он там думал до этого? Ах да, желание. Поворочавшись, наконец придумал, что загадает на этот раз.

Он быстро задремал, и для начала ему привиделась застывшая на хвойной лапе игрушка, в которой отражалось его молодое лицо и новенькая, еще не хлебнувшая крови электропила.

* * *

Звонящая тишина – это когда ты один во тьме, а где-то далеко, снаружи, эхом звонит колокол.

Посреди заснеженной площади сумрачной громадой возвышается огромная ель. На ней мерцают, покачиваясь от ветра, самые настоящие елочные игрушки. В ало-золотых лучах заходящего солнца поблескивают грани невесомого «дождика».

Я это еще помню.

Помню.

Пока.

Ветер ерошит хвою, осторожно касается драгоценных довоенных игрушек, фыркает на «дождик», отчего тот вздрагивает и приникает к ветвям, а потом рвется куда-то в сторону. Куда, зачем?

Ель зябко поводит широкой ладонью, и я слышу звон стеклянного колокольчика, крутящегося вокруг своей оси на нитке.

Я один.

Вокруг меня выются щупальца тьмы и холода.

И по мне звонит колокол.

– Папа!

Этот голос. Детский, пронзительный. Звенит как будто со всех сторон сразу.

Моргаю, озираюсь.

Я в гараже. Вроде бы мой. По крайней мере, очень похож. Вдоль стен протянулись самодельные полки, на которых в строгом порядке расставлены картонные коробки и стеклянные, пластиковые, жестяные контейнеры. Одних только ярко-желтых упаковок из-под любимого Светой и Полинкой «Несквика» несколько десятков, ну так и хозяйство мое обширное: на этой полке – саморезы, на той – сверла, и так далее. Под потолком подвешены три спиннинга. На стойке в углу скалится новенькая электропила «Парма». Стоп, почему она не в чехле?

Тихий звук. Шорох? Шипение?

Я настораживаюсь, боком продвигаюсь к пиле. Та заводится сама, не дожидаясь ни подключения к сети, ни нажатия кнопки.

– Вж-ж-жухнем-м! – вкрадчиво предлагает «Парма», трясаясь от предвкушения.

Я охотно беру ее, машинально проверяю уровень масла в баке. Почему бы и не вжухнуть, в самом деле? Особенно когда есть кого: в дальнем углу сидят двое, крепко связанные, с заткнутыми кляпами ртами, а рядом навзничь лежит третий, у которого из багрового месива на месте головы торчит рукоять молотка.

Ненависть!

Ненависть наполняет меня, с шипением перехлестывает через край. Сдох, сдох раньше времени! Вынудил меня, урод, заставил...

Двое в углу смотрят на меня выпученными глазами, сипят, судорожно подергиваются. Электропила вопросительно урчит в моих руках.

– Конечно, – говорю я. – Сейчас.

– Мусор-р-р, – подсказывает «Парма». – Р-реж-ж-ж!

– Да, верно, спасибо. – Я глушу пилу, аккуратно опускаю ее на пол и снимаю с ближайшей полки тяжелый рулон строительных мусорных мешков. Неспешно разворачиваю его, расправляю пакеты возле мертвеца. Для головы – новый совок с острой кромкой придется очень кстати – один. На каждую руку, пожалуй, по три: плечо, предплечье, кисть. Чем мельче, тем лучше. Увлечательный выйдет пазл, если что.

– Паз-зл-зл! – неведомо как снова заводится «Парма». – Вз-взрез-зай! Подер-рнем! Повж-ж-жухнем!

– Теперь повжухнем, – соглашаюсь я и приступаю к делу.

Некоторое время слышно только мерное чавканье, перемежающееся с хрустом и скрежетом, увлеченное повизгивание и урчание электропилы, шуршание пакетов. И в моменты тишины, когда я перевожу дух, – тяжелое, частое дыхание пленников.

– Папа!

Детский, пронзительный и радостный голос. Звенит как будто со всех сторон сразу. Не отрываясь от завязывания последнего мешка, поворачиваю голову. Конечно же, в гараже кроме нас троих и «Пармы» – никого.

Перевожу взгляд на своих пленников.

– Вашему другу повезло. Я повжухал его *после* смерти.

* * *

– Эгей, рота, подъем, принимай гостей!

Болт резко вынырнул из сонного марева и, пока дежурный охранник отпирал дверь камеры, успел натянуть штаны и футболку.

– Ну, как живется-можется? – На пороге стоял улыбающийся от уха до уха врач, он же Юрка Калинин. Ради праздника он надел парадный костюм, рубашку с галстуком и черные оксфорды. Пиджак и брюки здорово лоснились, ворот рубашки потемнел и обмахрился по линии сгиба, туфли распространяли терпкий смоляной запах, но Болт с искренним восторгом покрутил головой:

– Ох ты ж франт!

– Да что я, ты на Аську посмотри!

Из-за широкой спины отца смущенно показалась Ася. Стройная, хрупкая, с уложенными в высокую прическу светлыми волосами, в темно-синем атласном платье с открытыми плечами, тоненьким поясом и длинной юбкой в пол, под которой угадывался росчерк резинки трусиков.

Болт даже дар речи потерял, такая Ася была красивая. Светлана с Полинкой тоже бы ахнули и полдня хвалили бы и платье, и саму девушку-рукодельницу. И того, кто эту ткань на разрушенном складе отыскал, то есть его, Гену Болотова. Конечно, отрез, который хранился в запаянном полиэтиленовом пакете, пришлось в свое время сдать на склад, но когда на Восьмое марта среди жен и дочерей начальников проводили жеребьевку, он достался Асе.

Ася шьет – просто загляденье, к ней очереди выстраиваются, если что к празднику нужно нарядное и необычное. Сейчас ведь самое главное, чтобы экономно и удобно было, без всяких там рюшек-мушек, не до них. Ну а как еще? Материю берегли, любую. Вот Ася недавно, краснея, «Плейбой» попросила – нет, не соревноваться с глянцевыми, превратившимися в пепел грудастыми куклами, просто посмотреть хитрости экономии ткани. Чтобы поменьше да поэффективнее, так сказать. Вот такой парадокс: раньше женщины раздевались глаз радовать, а теперь на себе экономили, чтобы лишние шортики сыну или блузку дочери смастерить. Впрочем, мужа своего иногда удивить тоже вариант.

А еще Ася как-то смастерила себе подобие боди или спортивного купальника из сетки типа рыбацкой, тонкой и частой, снабдив костюм молнией. На смену в прачечную под джинсы надевала, хоть и каждый раз боялась порвать. Впрочем, сетка оказалась добротная, и то хлеб. А почему из сетки? Да чтобы другим нормальные материалы достались, да и простую ткань мочить, она же сносится быстро. И фигурка девушки выглядела в этой «рабочей» одежде ого как, хоть на обложку.

Вот она какая, Ася Калинина. Совсем не та девушка, которую ожидаешь встретить в коридорах тюрьмы. Эх, где вы, Куприны-Достоевские, Наташи Ростовы, Сонечки Мармеладовы... Но так здорово, что в этом жутком новом мире продолжала выживать доброта и красота. Имелись, конечно, свои нюансы... «Стерва», – бывало, цедили сквозь зубы завистливые дочки и сыночки вольных и граждан начальников. Однако Калинин мог посмотреть так, что молодежь тушевалась и долгое время избегала встречаться с ним взглядом. «Я бы вдул», – мечтательно вздыхал спецконтингент в блоке. Но Болт тоже заботился о репутации своей крест-

ницы, и в свое время некоторые особо резвые потеряли кто зубы, кто приличную форму носа, а Зюзя так и вообще половины уха лишился.

Так что у Аси вынужденно была охрана – впрочем, как и у многих жен, любовниц или дочерей начальников. Весьма жестокая, вооруженная такими агрегатами и умениями, которым позавидовал бы любой довоенный маньяк. Одно слово – псы.

Всякое бывало, разумеется: то и дело кто-то влюблялся, кто-то затеивал интрижки, кто-то гулял в открытую. Вот приплод и рос потихоньку. Но в основном порядок все же держался.

– Да разве это Аська? – Болт бросил на Калинина укоризненный взгляд, вытянулся в струнку и шелкнул воображаемыми каблуками. – Самая что ни на есть княжна Анастасия Юрьевна!

Девушка прыснула, но тут же посерьезнела и церемонно склонила голову. Болотов уловил запах – легкий оттенок лаванды. Значит, открыла. Тот пробник духов был его тайком переданной добычей. Он оценил. Мелочь, а приятно.

– Прошу! – Болт галантно повел рукой, приглашая гостей пройти в камеру, и тут же спохватился: – А... э, у меня тут не убрано...

– Посещение согласовано, – понимающе кивнул Калинин. – Вот здесь, – он похлопал себя по нагрудному карману, – подписанное самим Чулковым. К сожалению, всего на двадцать минут, у нас же... – Он красноречиво закатил глаза и развел руками.

Болт понимающе кивнул: уж кому-кому, а лебедям за общим новогодним столом не место, пусть Катастрофа и здорово перетряхнула весь жизненный расклад. Их время настает первого января после побудки. И праздничный завтрак состоится, и подарки раздадут по жребию, и вообще день пройдет весело: никакой тебе работы, только «кино, вино и домино». Все пятьдесят семь лебедей рассядутся в общем зале, поделят подарочные конфеты и табак, включают телевизор, эх!

Слегка задев макушку Болта крылом, в камеру влетел воробыный сычик, цокнул когтями о стол и сердито цвикнул.

– Ты уж прости, Яшенька, – вздохнул Болт. – У меня хоть шаром покати, это верно. Даже семок тебе не успел достать.

– Сейчас организуем. – Калинин решительно кивнул охраннику. Тот с непроницаемым лицом отдал врачу плотно набитую матерчатую сумку и закрыл дверь, лязгнув засовом. – Мы же не могли завалиться к моему названому младшему брату под Новый год с пустыми руками. И да, эти дары волхвов тоже согласованы.

Свежий хлеб, кольцо твердой колбасы, несколько увесистых ломтиков домашней поленд-вицы, умопомрачительно пахнущие пряностями и чесноком, чекушка самогонки, плитка шоколада... Болт с разинутым ртом наблюдал за тем, как Ася с отцом в четыре руки расставляют и раскладывают на столе невероятные богатства.

– И еще новогодний кекс! – объявила Ася. – С изюмом. Сама пекла, между прочим. Даже Вовка не пробовал.

– Ну... ну вы даете, – только и выдавил Болт, с наслаждением вдыхая запах теплой сдобы, быстро заполнивший каморку и засаднивший скулы.

Изюм... От одного этого слова ехала крыша. И-зю-ум-м. Жара, Пицунда, воздух и фей-хоа, мясо прямиком с мангала, молодое красное вино...

Тараканами лезли воспоминания, вихрем крутили голову, ломали, давили. Жестоко шваркали лицом в пол... Запах прошлого. *Того*. Чего уже не вернуть.

– С Новым годом, дядь Ген! – Улыбка Аси была такой светлой, что Болт часто заморгал. Чистая. Радостная. – Давайте загадаем желания, каждый, хорошо? Можно вслух. А потом подарки.

– Очумели...

– Дружище. – Калинин стиснул Болта в медвежьих объятьях и перешел на еле слышный быстрый шепот: – Я тебе уже тысячу раз говорил и еще раз скажу: на твоём месте я сделал бы с ними то же самое.

– Чур, я первая желание говорю! – выпалила Ася, разливая самогон по трём пластиковым кружкам. В две примерно поровну мужикам, в третью – чуть на доньшке – себе. Потрясающая роскошь, настоящая на каких-то бруньках. Но теперь-то один хрен. Главное, вкусно. И согревает.

Вдруг захотелось бутерброд с маслом. Простые, непозволительные радости.

Ася зачерпнула из маленькой баночки пол-ложки черничного варенья и плюхнула в свою кружку.

Черника, надо же. Варенье.

Болт глубоко вдохнул, и у него закружилась голова. От воспоминаний. От того, чего больше нет. От влажного поцелуя жены на губах... Ее глаз, улыбки. От желания. От лета. Радужного смеха дочери, старавшейся увернуться от прохладной струи поливального шланга. Она любила поливалки. Когда все были счастливы и беззаботны.

Когда все были живы.

– Итак, чтобы в Новом году мне повезло, – отчеканила Ася, – и я увидела нечто большее, чем эти унылые стены. Те же стены снаружи на расстоянии двух шагов под чутким отцовским присмотром – не прокатит.

Яшка одобрительно свистнул и клюнул Асину кружку.

– Спасибо, Яшенька! – Девушка погладила сычика по голове, и тот зажмурился от удовольствия. – Теперь я точно знаю: у меня все полу- читается.

Калинин посмотрел на дочь исподлобья. Вот вечно за своим тянется, и даже спрашивать глупо, в кого бы это... Веско проговорил, раздувая ноздри:

– А мое желание – чтобы повезло *мне*. Никакого детского рейдерства. Не хочу собирать тебя по частям.

Сычик насмешливо хохотнул и прикусил кружку Калинина.

Ася фыркнула и показала отцу язык:

– Яшка подтверждает, что собирать не придется! Так что весной подаю заявление в отряд и за Вовку замуж выйду. Мой разобрать меня не даст!

Мужчины коротко переглянулись: ишь ты, «ее». Долговязый, с кадетскими усиками аля Лермонтов. Еще вчера в салки-догонялки бегали, и вот на тебе – разрешение на ношение огнестрела выписали, жениться собрались. Птенец и пигалица. И раньше-то дети быстро росли, а теперь и вовсе обгоняли взрослых. Хоть малого еще не нагуляли, хотя кто их...

Надо с отцом Иннокентием поговорить будет.

Вовка, он же Володя Сабиров, – из семьи бывших и знатных, давняя Асина любовь – в рейды ходил довольно давно, чем вызывал нешуточные переживания у девушки. В местной библиотеке он когда-то откопал Дюма со Стивенсоном, так с тех пор все: мушкетер, лихой пират, герой чести, шпаги и обманчивой фортуны. Скоро с мельницами сражаться поскачет. «Не вешать нос, гардемарины!» Лет тридцать пять назад и у Генки с Юркой так было. Деревянные мечи, хлесткая крапива по заднице проигравшему... Вот только нынче по-другому все... А как объяснить, если в этом растут? Для них это реальность. Для поколения Болотова – реквием.

Калинин смотрел на отношения дочки с вынужденной покорностью – уж где-где, а в таком месте, как «Лебедь», лучшей партии, положила руку на сердце, было не найти. Пару раз в приказном порядке запрещал парню рейды, стараясь сберечь сердце дочери, но тщетно. Вовка тоже был упорный, под стать Асе: начинал с подмены охраны, потом дежурил на периметре, много тренировался в зале – в общем, неплохие результаты показывал, хоть и хиловат был от природы. А откуда здоровым детям в таких условиях родиться? Просился в охранники

к Асе, но Калинин отказал категорически: во-первых, нечего мешать личное с работой, а во-вторых, верить-то ему верил, но специально обученным мужикам габаритами с советский шкаф доверял как-то больше. Те противнику голову свернут и глазом не моргнут, пока этот д'Артаньян благородный раскланивается и шпагу выуживает. Впрочем, сама Ася тоже не промах: отлично стреляла из отцовского Макарова в местном закутке, отведенном под тир; в рукопашной, правда, больше тумачов огребала, но это только на пользу шло.

Ладно, еще есть время разобраться. Да и парень, если что, неплохой, пьяным замечен не был, шмаль не курит, даже самокрутками не балуется. Эх, не для этого ты места, Володька. Дурында. В другое бы время и место... Шампанское, набережная, белый лимузин или карета, голуби. «Дорогие брачующиеся...» Кольца в «Лебеде» теперь из дерева, подшипников да шестеренок точили, и то их не носили, все на обмен с местными или Железнодорожниками шло. Подшипники, впрочем, любили, иногда выпрашивали оставить. Крутить же можно. Нервный народ.

Щелк-щелк-щелк...

– А выстрелить-то сможешь? – тихо спросил Болт. – Вот так, чтобы в живого человека, в упор. Глядя в лицо.

– Надо будет – смогу, – пробурчала Ася и тут же сверкнула глазами из-под русской челки: – Да я же не по людям палить собираюсь. По крайней мере, не по своим и уж точно не в первый рейд. Я отлично понимаю, почему новички пару месяцев возле Острова кружат. Вот и я на тварях из Хмари потренируюсь, как все. – Девушка усмехнулась и подбоченилась: – Я в тире знаешь сколько вчера вышибла? Знаешь? И почти не моргаю при первом выстреле.

– В тире. – Болт закатил глаза. – Асенька... Это же совсем-совсем другое. Для начала давай вспомним золотое правило обороны.

– Никогда не цель без дела в человеческое тело, – послушно оттабанила Ася.

– Генка, не сейчас, – вклинился Калинин подозрительно ровным тоном.

Болотов понимающе кивнул и замолчал.

– Я и в рукопашку могу, – не удержавшись, похвасталась Ася. – Меня Вовка дополнительно тренировал и приемы показывал.

– Я твоему Вовке руки оборву по самую задницу! – взвился Калинин. – Школота чертова! Тебе шестнадцать, бараний вес! Стокилограммовый мужик упадет – и дух вон!

– Тихо, тихо, Юр, ну ты что? – Болт примирительно поднял руки и встал между ошетилившимися отцом и дочерью. – Асенька, не ерпенься, праздник же сегодня. Давайте потом ко мне придете, или к себе вызовешь, а, Юрка? Сядем тихо-мирно, поговорим...

– Ладно, попусту воду-то не лей, – хмуро пробурчал мгновенно остывший Калинин. – Я же все помню. Сам такой был. И ты тоже. Воробьи задиристые... Пойми, Аська, о тебе же думаем. Время сейчас не то... Страшное время. Да и место не краше, под стать – объект строгого режима. Колония на военном положении вот уже двадцать с лишним лет. Мы, считай, в осаде.

– Ой, сто раз слышала, – отмахнулась Ася. – Не понимаю только, почему нельзя построиться боевым порядком и пойти куда-нибудь... – Она неопределенно покрутила рукой. – Господи, да куда угодно! Оружия полным-полно, Вовка смешно так говорит, мол, «хватит каждой твари в Хмари запульнуть по харе». Классно, да? Побольше «дыхалок» бы наделали, в «Поросенка» припасов погрузили – и в путь. Местные нас пропустят, потому как уважают, Железные тоже никогда на рожон не лезли. Кто нас осаждают-то?

«Мы сами, – внезапно подумал Болт. – Рассказать бы тебе, Асенька, сколько раз парни уходили в Хмарь искать дорогу... Да только мир за Хмарью не для нас».

– И вообще, пап, я все твои лекции на тему «как страшно жить» наизусть знаю. – Ася умолкла на секунду, потом хмыкнула: – Ты еще про секс лекцию прочитай.

Калинин поперхнулся.

Болотов округлил глаза, но встречать не решился.

– И прочитаю, как надо будет, – сипло пообещал Калинин. Потер коротко стриженный затылок. – Все, стоп-машина. Щи будешь варить, да покислее, картоху там с котлетами.

– Не умею, – сквозь зубы процедила Ася.

– Научишься. У Мичурина пахать будешь. Внука, дай бог, родишь. Это сейчас и есть «пойти замуж», чтобы ты знала, а вовсе не по рейдам шарахаться и благоверному патроны подносить. Вовка тебя первый дома и посадит, если не полный дурак. Сама жизнь тебя спасает. Умеешь или нет, хочешь или не хочешь, а устроено вот так. – Калинин покосился на Болотова. – Крестного-то хоть спросила?

– А Вовка ему нравится, и он не против, да, дядя Гена? – с веселым нахальством поинтересовалась девушка.

– Да я-то... – растерянno промямлил Болт. – Я же...

– Вот видишь, – не дожидаясь окончания фразы, Ася перевела хитро прищуренные глаза на отца. – Крестный в деле.

– Детский сад, – сокрушенно покачал головой Калинин.

– Да когда ты наконец поймешь, что это серьезно? – Улыбка Аси пропала, между бровей залегла складка. Девушка куснула губу и по-детски добавила: – Честно, это очень серьезно.

– Вот потому и не верю, – вздохнул Калинин, рассеянно взяв бутылку и вытряхнув из нее последние капли в свою кружку.

– А еще татушку набью, – добила напоследок Ася. – Красивую: лебедя, как на ограде. На лопатку, вот сюда. Кольчик уже обещал.

– Цыц! – устало закатил глаза Калинин. – Будет она у меня меченая ходить.

– Чего сразу меченая? Дядь Ген, ну скажи, у тебя же тату были еще до... ну до всего этого.

– Отца слушай, – только и смог выдавить Болт. Ох уж этот возраст. – И вообще, Калинина, ты сегодня прям чего-то через край. Раз, два, три – горшочек не вари!

– Да ну вас, – обиженно надулась девушка. – Вечно заодно.

Потому что взрослые, мысленно продолжил Болт. Ну конечно. Шестнадцать. Максимумизм и отрицание всех и вся. Новые кумиры, гитара, подъезд, первый алкоголь и сигареты... Только теперь ни подъездов, ни сигарет... Мир – отстой, юная роза в шипах, чуть что – и уко-лешь палец, на котором набухнет алая капля. Родители-придурки и ничего не понимающие старперы, назло всем и вся. Манифесты «избранных» под ритмы небожителей рок-музыкантов. «Rare me, my friend!» Что старые пердуны в жизни понимают... Первые поцелуи с верой в вечную любовь, аптека и обжигающий стыд перед все понимающим провизором, потом...

Болт ухмыльнулся, благо могучая борода скрыла этот момент, и тут же спохватился, постарался принять как можно более беззаботный вид.

Это не его семья, в конце концов, хоть он и приходился Асе крестным.

Семья.

Нет. Его. Теперь это его семья. И Ася была не такая, какой хотела казаться. Он знал.

Падший ангел в прокопченном аду.

– Все, хорош портить праздник! Теперь мое желание, – торопливо выпалил Болт. – Мое желание... Пусть Поинка напишет мне письмо.

В камере воцарилась мертвая тишина.

Калинин и Ася в изумлении переглянулись. Болт часто поморгал, нервно рассмеялся и сбивчиво заговорил, уставившись на внимательного пучеглазого сычика и не решаясь взять в руки кружку:

– Знаю, знаю, сам же видел, «скорую» вызывал... Но не могу смириться, просто не могу и не хочу, понимаете? До сих пор. Я иногда представляю себе, что они выжили. Что и «скорая» тогда успела, и Катастрофа не стала для них последним днем. И что Света просто не смогла больше жить в той квартире, взяла Поинку и переехала к моей маме переждать все это. Светка

же сирота, а моя мама ее как дочь приняла, они так сроднились... И Полинка взрослая сейчас совсем...

Болт осекся, сглотнул и неловко закончил:

– И от мамы вестей не было... с самого последнего дня.

Яшка, внимательно слушавший его слова, вдруг вытянул шею и осторожно, еле слышно тюкнул клювом кружку.

В дверь громко стукнули, и Болт вздрогнул всем телом.

– Время, Юрий Петрович!

– Чтобы все было хорошо, – твердо произнес Калинин, поднимая свою кружку. – Чтобы все *у нас* было хорошо.

* * *

В ярко освещенном зале собраний было уже тихо. Особо отличившихся граждан начальников – и гражданок, что греха таить, которые могли только осоловело икать под столами, их более стойкие товарищи растащили по «квартирам». Дежурные из вольных и лебедей убрали весь мусор, расставили по местам мебель, подмели и вымыли пол. Совсем немного осталось.

Слегка захмелевшая Ася – много ли девчонке надо – в сопровождении Васяна, одного из «псов» Калинина, возвращалась после молодежной тусовки к себе в блок. Возле входа в зал собраний она заметила стремянку, а на ней – Шпунта, деловито скручивавшего стрелки с круглого наддверного циферблата. Ему снизу фонариком подсвечивал Физик, мыча под нос про «гоп со смыком». Вдалеке в коридоре неловко двигался и что-то бормотал Богдан. Блаженный возил по полу шваброй, словно выводил китайские иероглифы большой кистью, и изредка двигал повизгивающее ведро ногой.

– Зачем их всегда забирают? – остановилась девушка.

– Асечка! С новым счастьем! – приветливо кивнув, отозвался Шпунт. – Это типа засечка. Год отмотали – цок! – и дальше поехали. Да держи ты. – Шпунт передал часовую стрелку Физика, который засунул ее в потертый ярко-фиолетовый пластиковый пакет.

– Но почему нельзя смотреть на них каждый день? Это же надежда.

– На что? – хмыкнул Шпунт. – Надежда – штука опасная, заруби себе на носу. Самая главная иллюзия человечества. Самообман. Источник нашей самой великой силы и самой великой слабости. Особенно здесь. В Клетке. Как поверишь во что-то, так голова и двинется. А жрать и спать по свистку давно все привыкли. Собаки Павлова, с-сук...

– Полегче, Шпунт, – негромко, но веско предупредил Васян.

– Виноват, командир. – Шпунт поскреб в колючем затылке. – Это я так, ты ж знаешь.

– И почему же опасная? – не унималась девушка. – Как надежда может быть опасной?

– А вот так. Если знать, что где-то что-то кумекается без тебя, съедешь от понимания, что крылышки навсегда прилипли к смоле и остается просто тупо ждать, пока горячка не вставит.

– Шпунт, – устало обронил охранник.

– А че сразу Шпунт? Все вроде чисто-прилично. Да и не медовые ушки у девчушки, не на курорте живет, верно же? А про надежду, Асенька, вот какую интересную историю расскажу. – Шпунт неспешно достал самокрутку, закурил, отмахнулся от дыма, таинственно залюбившегося в ярком луче фонаря. – Был у нас тихий такой вольный чмырь, Моноклем звали. У него левый глаз когда-то вышибло, оттуда и погоняло. Слышала про такого, нет? Хотя это давнишняя история, тебя родаки даже в проекте не числили. Так вот у Монокля этого дочка лет десяти была, а у дочки – кукла. Большая такая, чуть ли не с хозяйку ростом, только сиськи – во! – Он цокнул языком, метнул виноватый взгляд на Васяна и поспешно продолжил: – И глаза лупастые, ярко-синие. Японская или турецкая, пес ее знает. И так берегла девчонка игрушку свою, что везде с собой таскала, даже на дальние огороды. И вот однажды не успела она добежать,

когда Хмарь поперла. Осталась за периметром. Так с куклой своей и сгнула. Монокль каждый божий день в дозор вызывался, надеялся дочку отыскать. А может, ему насрать на все уже было. И вот как-то прибил щенок к нему. Из Хмари прямо под ноги бросился – плешивый, криволапый, хвост калачом, скулил только и ласкался. Ну, пересидел карантин, сдружился с Моноклем. Мужик души в песеле не чаял. А тот где-то через полгода прибежал к хозяину и положил у сапога ярко-синий глаз. От той самой, мать ее, куклы. Всекаешь? И именно левый: в пластике дырка для крепления с нужной стороны была. Монокль глаз этот поднял, пошел в сарай и вены вскрыл. А псина в Хмарь убежала, да так и не вернулась. Хатико новой реальности, – хмыкнул Шпунт, косясь на засопевшего амбала, чуть склонившего голову набок. – Что-то я... Мы ж не об этом.

– Но часы – это ведь символ, – упрямо насупилась Ася, ежась от страшной истории. Сколько таких мог рассказать каждый из старожилов «Лебеда»? Когда было страшнее – тогда или сейчас?

– Символ чего?

– Что жизнь идет вперед. Продолжается. Двигается.

– Что движется? – Шпунт чуть не подавился сигаретным дымом. – Жизнь? Да нет ее. Ничего нет. И никого. Ни тебя, ни меня. Эй, есть кто живой? – Он чуть повысил голос, вопрошая в пустоту полутемного зала. – Ну вот. Нет никого. Больше нет.

В ответ что-то, повысив голос, промямлил Богдан.

– Но это же... страшно.

– Проснуться бы, да? А фиг всем нам. – Шпунт взял жестянку, стоявшую на верхней ступеньке лестницы. Лебеди давно знали: дают пойло – тяни до последней капли. Жгучей, горькой, дурманящей, напрочь сносящей крышу и вытягивающей остатки разума. – Ладно, хорош сопли жевать. С Новым годом, Асенька. И тебя, Физик, и тебя, гражданин охранник Васян.

– Заканчивайте, мужики, – проворчал тот. – Ась, ну мне бы поспать, шесть утра же. А у меня опять вахта в ночь.

– Будем, – решительно кивнула Ася Шпунту.

– Да, – отхлебнув из жестянки, согласился тот. – Но уже не мы.

– Отбой! – донесся из коридора чей-то голос, давясь смехом.

– В смысле? – округлил глаза Васян.

Шпунт, Физик и Ася недоумевающе переглянулись.

– Гражданам начальникам и прочим людям – «отбой», остальным – «подъем»! – прокомментировал другой не менее веселый голос.

Коротко проныл сигнальный баззер.

БАЗЗ!

– Тушите!

И к находившимся в зале людям мерно стал приближаться ритмичный, гулкий подпотолочный стук: на первом и втором этажах отключали подачу питания, переходя на аварийное освещение.

...птам...

Исчез в темноте силуэт Богдана, ссутулившегося, опершегося на швабру.

...птам...

Вот докатилось и до них.

...тум!

Застывшие фигуры окутало густое желе алой полутьмы. Глаза Аси в свете фонаря Физика загорелись яркими живыми угольками.

– Богдану не видно, где мыть, – жалобно донеслось из коридора.

– Это нормально, – утешил блаженного спустившийся по стремянке Шпунт. – Главное, морду не расшиби, а то зря старался. И вообще хватит тряпкой елозить, наше дежурство закончилось. А вот праздник, считай, начался!

* * *

После побудки, зарядки, небольшой уборки и сытного завтрака пятьдесят семь человек готовились праздновать Новый год в общем зале. Давно прошли времена, когда с каждым лебедем предварительно беседовал психолог, прежде чем заселить в камеру, разрешить выходить на работу и контактировать с другими людьми. Или не разрешить. И да, когда-то давно рассаживались по группкам: бандиты с бандитами, насильники с насильниками. Но жизнь так много лет шла настолько *иначе*, что многие правила и понятия круто изменились. Сейчас вообще обходились практически без церемоний. Разве что Зюзю хором недолюбливали. Трусоватый подхалим, убийца едва ли совершеннолетних девушек – таких никогда не жаловали, сколько бы лет ни прошло.

Так что охрана просто закрывала двери в общий зал и топталась снаружи, позевывая и сменяясь каждый час. Лебеди же чинно-благородно развлекались.

Первым номером новогодней программы шел театр. Меченую карту постановщика, которую разыгрывали в сентябре, вытянул Шпунт. Он выбрал «Сказку про Федота-стрельца» и, начиная с самого первого дня, гонял свою команду до седьмого пота, добиваясь, чтобы никто не читал по бумажке. Разумеется, в этой команде оказался и Болт, причем ему досталась роль генерала, потому как борода у него росла на редкость активно.

Лебеди ржали до колик, хлопали до онемения ладоней. Болт, вспотевший от волнения, с пересохшим горлом выходил на поклон три раза и довольно ухмылялся в бороду.

После небольшого перерыва, когда все вновь расселись по местам и уgomонились, Герцог объявил следующий пункт программы.

Лебеди с жадным интересом наблюдали, как длинные крепкие пальцы Герцога в сверкающих перстнях тасуют «киношную» карточную колоду. На столе перед бугром лежали еще две рубашками вверх: «игровая» и «подарочная». Их черед подойдет немного позже, после фильма, и Болт даже глаза прикрыл от удовольствия: ох и праздник, так бы и жил всегда! Пару дней назад пятьдесят шесть лебедей – все, кроме Зюзи – написали на лицевых сторонах своих карт название фильма или сериала. В общей комнате сохранился большой телевизор, а у начальника тюрьмы оказался припасен внешний диск с коллекцией видео, так что пару раз в месяц лебедам позволялось устраивать просмотр одного фильма. Обычно его выбирал Герцог или его подручные, и лишь иногда это позволялось кому-нибудь из лебедей, например, как подарок на день рождения или очередную годовщину отсидки.

Болт закусил губу в предвкушении. Вот бы его «Звездный десант» выпал! Или философское что, типа «Достучаться до небес», или пусть даже какой-нибудь «Робокоп»... Лучше второй, где из главаря группировки террористов сделали киборга – швейцарский нож. Эх, вот еще бы посмотреть в переводе Гаврилова, как давным-давно, в золотом детстве! С этим незабываемым хриловато-растянутым стилем и головокружительными матюками, ставшими родными после многочасовых зависаний перед отцовским «видаком». Пока отец не загнал всю коллекцию разом, чтобы уйти в свой последний запой, двенадцатилетний Генка успел пересмотреть все, даже кассету с «Криминальным чтивом» с крохотной наклейкой «Перевод Гаврилова. Тот самый». Именно благодаря ему стало известно, что слово fuck безбашенный режиссер вставил в свою картину аж 271 раз.

Болт вздохнул и сосредоточился на руках Герцога. Он понятия не имел, кто что написал на своих картах. Ни один человек не проболтался о своем выборе, все свято хранили тайну:

не только потому, что болтуна ждало суровое наказание, но и чтобы не нарушался эффект сюрприза на праздник.

Наконец бугор перестал тасовать и, лизнув палец, потянул карту из середины. Пока он театральным жестом поднимал руку, в воцарившейся тишине Болт услышал, как сидевший рядом Шпунт шептал:

– Хоть бы «Малена», хоть бы «Малена».

Выпала «Голгофа».

– Ну хоть не «Хатико», – уныло пробурчал Шпунт в поднявшемся гаме.

А Болту непретенциозная картина о выборе и вере нравилась. В ней рассказывалось о католическом священнике в небольшом провинциальном городке. Однажды священник слушает исповедь, на которой прихожанин рассказывает, что в течение многих лет подвергался сексуальному насилию со стороны ныне покойного пастора. Прихожанин уверен, что на гибель плохого священника никто и не обратит внимания, а вот убийство хорошего может заставить общество задуматься. С этими словами он дает святому отцу неделю на то, чтобы привести дела в порядок, после чего обещает убить. Однако вместо того, чтобы обратиться в полицию, в отпущенный срок священник занимается обычными делами, стараясь изменить жизнь своих прихожан к лучшему.

Каждый раз, смотря этот фильм, Болт чувствовал в себе некий отклик, но все никак не мог понять какой.

– Так, хорош, – скомандовал Герцог, когда пошли титры, и выключил телевизор. – Кто хочет пофилософствовать на разные темы, будет делать это на толчке! Обстановка самая располагающая. А теперь...

Бугор взял «игровую» колоду, принялся тасовать.

Все заерзали, докуривая самокрутки и ухмыляясь.

Наконец Герцог торжественно выудил из середины колоды карту, перевернул ее, удивленно всмотрелся и захохотал.

– Жмурки!

– Жмурки! – восторженным хором грохнули лебеди. – Вот это номер! Ого! Крутяк, мужики!

Шустро освободили пространство, растащив по углам стулья и кресла.

– Играем полчаса, – объявил Герцог, похлопывая о ладонь плотной полоской ткани. – Правило первое: водящего не бить! Только хлопать по плечам и спине, ну пенделя отвесить можно. И правило второе: кто ударит, огребет сам. Зюзя, двигай сюда, ты первый.

Зюзя проскулил что-то невнятное, однако возле бугра оказался весьма шустро: жмурки были, в общем-то, достаточно безобидной игрой, так как бить слепого считалось западло.

Полчаса прошли в оживленной суматохе; водящими побывали чуть ли не все, а некоторые, тот же Шпунт, и по несколько раз. Под конец игры он периодически потирал тощий зад, удостоившийся доброго десятка увесистых пинков. Болт же, который, несмотря на габариты, двигался достаточно быстро, а благодаря своей комплекции для толчков и пинков был практически неуязвим, получил от всей этой беготни несказанное удовольствие.

В заключение праздничной программы Герцог минут пять усердно тасовал «подарочную» колоду. Здесь уже не допускалось никакой самодеятельности: просто разыгрывали подарки, выделенные начальниками. Впрочем, под Новый год не скупились и можно было выиграть все что угодно: дополнительный талон на мед или табак, внеочередной выбор фильма, индульгенцию от любого наказания...

После обеда в распоряжении лебедей оказалось несколько часов блаженного свободного времени. Большая часть засела в общем зале за рисование и пазлы, кто-то резался в карты, домино и нарды, кто-то просто курил и болтал, несколько человек разбились на команды

и играли в шахматы. Вокруг Шпунта, умевшего играть на гитаре, образовался целый хоровой кружок. Несколько человек разбрелись по своим камерам.

Болт тоже предпочел уйти к себе и почитать выигранную в лотерею книгу: в обычные дни для этого будет сложно урвать больше полчаса.

«Отличный Новый год! – Он блаженно растянулся на койке. – Давно так не отрывались! Странно только, что никто даже толком не подрался... Слишком гладко в этот раз. Слишком гладко. То ли хорошо, то ли не к добру...»

Он покачал головой, постучал пальцами по вытертой обложке, на которой не было видно ни названия, ни автора. Раскрыл книгу.

Анри Шарьер. «Мотылек».

* * *

Густой туман, которого по всем законам физики зимой быть не могло, крался вверх по заснеженному холму, мягко переливаясь бликами северного сияния, словно поддавшаяся какой-то мимолетной прихоти Хмарь баюкала Остров в своих ладонях. Впрочем, дозорные на северной вышке уже привыкли к подобным кунштюкам и спокойно резались в «американку».

– Эх ты, Миклуха, третий раз подряд продул! – рассмеялся один из дозорных и вдруг сорвал с плеча автомат, вскочил, вглядываясь в туман. – Эт че еще такое?

– Да куст-шатунок, – тоже подхватив свое оружие, прищурился Миклуха. – Его еще на прошлой неделе из-за дренажной трубы корчевать хотели.

– Слышь, я тебе ослепнуть не загадывал, – с раздражением рявкнул напарник.

– Может, Лешак пасется?

– Одетый?

– Ну тогда с вокзала Железный...

– Полезный! Мы к ним когда в последний раз навевывались? В сентябре? Они три раза уже все забыли. Да и поодиночке Железные не ходят, сам же знаешь, и всегда след в след.

Туман возле покосившегося фонарного столба сразу за периметром зашипел, за мгновение вздыбился и осел, открыв дежурным высокую фигуру в длинной алой шубе. Лица пришельца не было видно из-за окладистой белой бороды и надвинутой на самые глаза меховой шапки. В руке сиял серебром, то и дело переливаясь голубоватыми сполохами, посох с навершием в виде звезды.

Миклуха раскрыл было рот окликнуть незнакомца, но тот погрозил вышке пальцем, потыкал посохом сугроб в основании столба, развернулся и молча ушел в туман. Следов на снежном покрове за ним не оставалось.

– Хрень какая-то, – растерянно проговорил Миклуха. – Надо бы начальству сказать, а, Буряк?

– Что сказать? – хмыкнул Буряк. – Приходил неизвестно кто неизвестно зачем? Знаешь, ты мне желание просрал, так вот иди проверь, что он там делал.

– У меня Люська с доростком же...

– А чего сюда нанимался тогда? Не ссы, я прикрою, столб в зоне обстрела.

Миклуха, недовольно посопев, вытащил из-за пазухи нательный крестик, поцеловал и двинулся к лестнице.

Освещение немного усилили, а дверь в воротах приоткрыли ровно настолько, чтобы разведчик смог протиснуться, не оторвав пуговицы на ватнике. Миклуха с автоматом на изготовку, держа палец на спусковом крючке, шаг за шагом приблизился к загадочному сугробу. Дошел. Склонился над ним и замер. Светящийся туман выжидающе клубился неподалеку.

– Ну что там? – нетерпеливо крикнул с вышки Буряк.

- Мешок какой-то. – Миклуха боязливо ткнул стволом в увесистую находку, потом удивленно хмыкнул и чуть повернул, открыв знакомый по старому миру сине-белый логотип.
- В смысле – мешок?
- В смысле – почта! – донеслось в ответ после короткой паузы. – Почта России...

Глава 2. Точка отсчета

2—3 января 2035 года

Приставка ИО – исполняющий обязанности – к такому желанному «начальник колонии» нисколько не омрачала действительность, но и жизнь не облегчала. Вот уже три месяца, как он на этой суетной и нервной должности, и уже не раз задумывался: «А может, зря? Чем было плохо в начальниках оперативного отдела УФСИН Пермского края? Опять же столица, город-миллионник, а не этот захудалый провинциальный Соликамск. Да и жена дуется, что привез в эту дыру. Ей-то мои должности по барабану. Кстати, о жене... Нормальные люди в воскресенье дома сидят, а я вот тут... Работу работаю. В воскресенье. И если б только эти выходные! Ночевки дома по пальцам пересчитать можно».

Хозяйство ему досталось беспокойное. Страшно подумать: всемирно известная колония особого режима для пожизненно осужденных, именуемая в простонародье тюрьмой «Белый лебедь». Непокойное и требующее постоянного погружения в свои проблемы учреждение.

ИО... Он уже три месяца ждет избавления от этих букв в должности. А ради этого можно и потерпеть. И жена потерпит. Это же не навсегда. Это перспектива, трамплин. Хороший, мощный трамплин куда угодно... В Москву... На генерала... Хотя через три месяца новые полковничьи погоны не казались ему достаточным вознаграждением за тяжелый груз на плечах. А поначалу Сергей Иванович Чулков очень гордился ими. Тридцать восемь лет – и уже полковник. Наверное, самый молодой полковник в УФСИН по всей огромной России.

Пронзительный зуммер и вспыхнувшая лампочка на пульте рабочего стола вывели начальника колонии из задумчивости. Чулков щелкнул тумблером под надписью «ДПНК» и коротко бросил:

– Да?

– Товарищ полковник, тревога, вводная «Атом».

Дежурный помощник начальник колонии был деловит и спокоен, в динамике слышались пощелкивания и голоса других сотрудников, проводивших оповещение по телефонам. Механизм работал как отлаженные швейцарские часы.

– Принял, действуйте по плану учебной тревоги. Конец связи.

Чулков отключил динамик и встал. В огромном кабинете располагались огромный стол для заседаний с расставленными вокруг огромными креслами, огромные шкафы вдоль стен и огромный сейф, и когда полковник был здесь один, то не раз ощущал себя муравьем в спортивном зале. Требования вводной диктовали переодеться в полевую форму и повесить на плечо средство индивидуальной защиты. «Атом», как-никак. Того и гляди, нагрянут проверяющие, а начальник в nepотребном виде, и плакало тогда утверждение в должности. Чулков улыбнулся своим мыслям и достал из шкафа противогаз и синий уфсиновский камуфляж. «Кстати, а почему это я ничего не знаю про тревогу? Васильич и Сашка из управления предупредили бы...» В голове впервые сработал тревожный сигнал: что-то идет не так. «Значит, это или «налет сверху», или...» Второе «или» Чулков сформулировать не успел. Повторный вызов с пульта застал его в забавной позе: со спущенными форменными штанами, натягивающим форменную камуфлированную футболку.

– Да чтоб вас!... – Он доскакал до пульта связи и, включая, чуть не сорвал тумблер: – Что там у вас еще?!

– Т-товарищ полковник! – выдохнул дежурный. – Т-товарищ полковник!

– Что ты там заикаешься, майор? Докладывай по существу.

Из динамиков вырвался короткий тяжелый всхлип, потом дежурный кашлянул и зачистил:

– Товарищ полковник, «Атом» боевой. Связи с краевым УФСИНом нет. По радиации на всех волнах, в том числе и МЧС, было оповещение «Атом», теперь тишина. По тревоге стали прибывать сотрудники, многие с членами семей. И вообще сюда прут со всех сторон! Куда мне их всех девать?!

Чулкова пробил холодный пот: «Понеслась душа в рай...» А ведь на самом деле почти так и было. Только не в рай, а в неотвратимо надвигающийся ад, секунды до которого отсчитывали механические часы на стене.

– Значит, так, майор, – ровно проговорил полковник. – Дежурной смене весь спецконтингент загнать в подвал первого корпуса, прибывших членов семей и прочих гражданских отвести в подвал второго.

– Как весь контингент в один подвал?! Там же убийцы, манья...

– Не до церемоний сейчас. Выполнять! И это... Позвони моей. Скажи, чтобы хватала Витьку, мой тревожный чемодан и пулей сюда.

Чулков быстро натянул полевую форму, застегнул широкий офицерский ремень и схватился за пустую кобуру. Снова нажал на тумблер вызова.

– Майор, всем сотрудникам выдать табельное оружие.

– То есть как всем, това...

– Так, всем! Не только дежурной смене, включая внутренние посты, но и вновь прибывающим сотрудникам! Ты понял, майор? И в случае беспорядков разрешаю применять огонь на поражение. Под мою ответственность.

– Товарищ полковник, это нарушение всех протоколов, как основных, так и вводных. Мне нужен официальный приказ!

Начальник колонии мысленно выругался.

– Майор, сейчас мне только бунта не хватало среди посидельцев, когда везде вокруг бардак, а учреждение полно женщин и детей, поэтому выполнять! – Он отключил связь, но через пару секунд вновь ударил по тумблеру: – Голосовой записи пока будет достаточно?

– Да, конечно! – в голосе дежурного слышалось явное облегчение.

– И можешь пустить приказ на громкую, чтобы все слышали.

Чулков надиктовал приказ и, удостоверившись, что запись прошла без накладок, отключился.

Ну все, мосты сожжены. Когда полковник спускался в оружейку, его голос, многократно усиленный динамиками, гремел по всем корпусам. Из своего кабинета в таком же синем камуфляже, перетянутый ремнями противогаза, выскочил зам по БОР. Тревожным взглядом посмотрев на горлающий динамик, поравнялся с начальником.

– Своих вызвал?

Чулков кивнул, не сбавляя шага, направился к лестнице.

Подполковник не отставал:

– Как думаешь, серьезно?

– Серьезней некуда. Поэтому, Андрей, на тебе внешний периметр. Людей с вышек уведи, будем надеяться на камеры. Оставь усиленный пост в шлюзе. Но чтобы все были начеку. Понял меня?

– Понял! Не волнуйся.

Вооружившись штатным Макаровым, Чулков почти бегом направился за своими людьми в главный корпус. Впереди слышались крики. Одиночный выстрел раскатистым эхом пронесся по сводам длинных коридоров. И еще... еще...

* * *

Начальник Острова Чулков не сразу понял, что разбудили его вовсе не выстрелы, а ритмичный, деловитый стук в дверь.

– Когда ж ты, скотина, сниться уже перестанешь? – выдохнул он, утирая со лба холодный пот. Первый день Катастрофы буквально выжгло в его мозгу на много месяцев, на десятки лет, навсегда. Иногда этот день возвращался в видениях липкого болезненного сна, с пугающей точностью повторяясь до мельчайших деталей. На ощупь натягивая брюки, начальник колонии рывкнул: – Ну что там?

– Серега, дозорные мешок принесли с периметра. Ты должен это видеть. Сейчас.

Чулков чиркнул зажигалкой и скрипнул зубами: двадцать минут первого!

– Охренели совсем? Кто дежурные, что за мешок?

– Возможно, и охренели, – терпеливо согласился зам по БОР. – Дежурные – Миклуха и Буряков, в показаниях не путаются. Караульные на воротах то же говорят, слово в слово. Мешок «Почта России», а внутри письма, я заглянул.

– В смысле письма? – Чулков поспешно распахнул дверь. – Еще кого-то по голове кидлом осенило?

Зам по БОР нервно хрюкнул.

В самые первые месяцы общей неразберихи, когда боялись всего – голода, неведомой заразы, нападения извне, а уж особенно бунта заключенных, – отец Кирилл, тогдашний настоятель, решил «приложить руку помощи». Как местный житель и священник, принимавший исповеди, он знал судьбы практически каждого из своих подопечных, с ним советовались, частенько давали почитать письма «с воли». А он, как бывший мошенник, обладал уникальной памятью и отлично владел техникой подделки почерков. И в колонии начали появляться малявы. Друзья и родственники заключенных якобы передавали через отца Кирилла, что война заканчивается, в городе многие выжили, просто надо подождать, пока власти разберутся, что да как, а пока есть связь через новоявленных стalkerов, ну и слава богу. Однако письма, которые были призваны немного успокоить спецконтингент, вскоре послужили причиной взрыва: что-то там батюшка напутал...

Давить пришлось жестоко.

И вот теперь – опять «вести с полей».

Чулков осмотрел мешок. Высыпал содержимое на пол. Это были не просто малявы, а сотни полторы самых настоящих писем: в белых прямоугольных конвертах, со штемпелями из разных городов, кое-где оказались наклеены марки. Чулков взял несколько конвертов, просмотрел.

– Андрей, – проговорил он вдруг ставшими непослушными губами. – Здесь твое имя. И обратный адрес: Воронеж, Пеше-Стрелецкая улица, Арефьева Галина Пав...

Зам по БОР издал непонятный звук и буквально выхватил конверт из рук начальника колонии.

– Мама...

* * *

Письма пришли всем, кто был в день Катастрофы в «Белом лебеде». Абсолютно всем. Начальникам и рядовым сотрудникам, спецконтингенту и вольным. Читали сначала про себя, впиваясь глазами в строчки, шевеля губами. Потом зачитывали кому-нибудь вслух, то и дело останавливаясь и вспоминая разные случаи. Потом слушали тех, кто читал, кивая их рассказам. Радовались и стискивали зубы. Крепились. Плакали.

– Смотри, смотри, Болт! – тощий как жердь Аптекарь, бывший наркоман, двадцать пять лет назад вырезавший семью из шести человек ради денег на дозу, трясущимися руками вновь развернул свое письмо. – Родила... Моя-то младшая родила, представляешь? Пацана. Внука. Вот тут, видишь, пишет? Четыре кило и еще двести сорок грамм! Богатырь! Илья Муромец! А я вот тут...

Аптекарь вдруг осекся, сморщил лицо и судорожно всхлипнул.

– А я умер.

– Да угомонись ты, – негромко посоветовал Болт. – И не задумай там чего-нибудь, Федор, теперь жить надо. Ни в Хмари пропасть нельзя, ни самому в петлю. Никакого особого отряда на форпосте, понял? Радоваться надо и ждать. Слышал ведь, что всем пишут, а оно же не как в прошлый раз, чтоб этого выдумщика на том свете перевернуло... По-настоящему все, раз уж письма *вообще* всем пришли. Так вот пишут-то, считай, одно и то же: мир здорово потрянуло, но все потихоньку восстанавливаются – хозяйство налаживают всякое, экологию. Эвакуированные понемногу возвращаются. Аномалии исследуют, людей оттуда выручают, вот и до нас добрались. Ситуация тут, конечно, аховая по всем параметрам, но, может... хоть увидеться позволят. Так что живи. Надо, Федя. Надо!

– Это да, – немного успокоившись, шмыгнул носом Аптекарь. – Это... Эй, а ты сам-то почему ничего не рассказываешь? Тебе ведь тоже письмо было. Случилось что?

– Да я не открывал пока, – бледно улынувшись, признался Болт.

– Да ну?! – Аптекарь даже рот раскрыл. – А чего ж так?

Потому что страшно, хотел ответить Болотов, но промолчал. Неопределенно повел плечами, усмехнулся в бороду.

– Зарок себе такой дал. Вот как все откроют, так и я открою. Самым последним. И тогда все будет хорошо.

Аптекарь покачал головой, цокнул языком.

– Н-да... Я бы так не смог. Ни за что не смог. Ох и человек ты, Генка. Геннадий Болотов. То ли кремень, то ли... сбрендил совсем.

– Все мы тут того, – согласился Болт. – Ладно, мне пора, начальство по головке не погладит, если вовремя не приду.

Махнув рукой, он побрел на смену.

В гараже, как оказалось, его поджидал Калинин.

– Генка, мне брат написал! Двоюродный, Никита, помнишь его? – Глаза Калинина блестя, лицо раскраснелось.

– Еще бы! – обрадовался Болт. – Классный парень, все спецназом бредил. Я его отжиматься учил и «солнышко» крутить... Как он там сейчас? Читай давай скорее!

Калинин достал из нагрудного кармана аккуратно сложенный пополам конверт, не спеша достал из него лист бумаги, на котором были видны ровные линии уверенного почерка и, прислонившись к верстаку, начал читать:

– «Юрка, привет! Наконец-то смогу с тобой связаться, надеюсь, ты еще живой там, двадцать два года же прошло. Как у вас жизнь протекает? Сейчас с мировой обстановкой более-менее поспокойнее, я даже в отставку рванул, представляешь? Как вернулся из... Но это не для бумаги, увидимся – порассказываю. Всякого разного, ага. Только штаны просиживать не по мне, так что стал я инструктором, дрессирую служебных собак недалеко от Вязьмы. Ну, это помимо всего прочего, ты же понимаешь, Как говорится, в мои тридцать восемь – милости просим, хе. Жаль, что аномальный туман этот у вас не позволяет увидеться, но когда ученые наконец что-то придумают, обязательно накатим. И обязательно чего-нибудь очень-очень старого, пятизвездочного и дорогого. Я тебя жду, братуха! Пора вытаскивать тебя из этой клоаки. Выделим комнату, будем жить на Базе рядом, мы же семья. А если женой с детишками обзавелся, так и их тоже давай к нам, здесь-то экология и вообще житье что надо. Хозяйство

крепкое, народ смелый и дружный. Короче, не ржавей, редиска! И береги себя, это главное. Прости, что так коротко: сам понимаешь, служба. Надеюсь, скоро увидимся. Никита».

– Хороший мужик вырос, – заключил Болт, когда Калинин закончил читать и, бережно свернув, убрал весточку от родственника в карман.

– Что есть, то есть... А ты свое прочитал уже?

Болт замялся, теребя в руках промасленную ветошь. Всмотревшись в его лицо, Калинин удивленно поднял брови.

– Так ты чего, боишься, что ли?

Да, Болотов боялся.

На его конверте графа «откуда» была пуста, а в графе «от кого» красивым почерком выведено «от Болотовых» – поди догадайся. От мамы? Тогда почему не «от Болотовой»? От дяди Кости с семьей? Может, мама в Последний день успела к ним уехать? От... от Светы и Полинки?

Он боялся, что сойдет с ума – если еще не сошел.

– Так и будешь мусолить? – отвлек от раздумий Калинин. – Только лишний раз себя накручиваешь. К тому же заму по БОРу поручено в течение сегодняшнего дня собрать ответные письма, произвести их проверку и завтра в двадцать два ноль-ноль вручить товарищу Чулкову. Не успеешь – пеняй на себя.

– Погоди, – опешил Болотов, – а потом-то что?

Калинин пожал плечами.

– Думаю, сложат в тот же мешок и выставят на то же место. Почтовых ящиков, как ты понимаешь, поблизости не наблюдается.

Болт еще раз вздохнул, набрался духу, зашелестел бумагой и почувствовал, как задрожали руки и моментально пересохла губы.

– «Папка, привет! Как ты? Я очень по тебе соскучилась. Просто не представляешь, насколько. Мама тоже, только на работе загоняется. Никого себе не нашла, так что на этот счет можешь быть спокоен»... Тут смайлик нарисован улыбающийся. – Болотов всхлипнул, сглотнул ком в горле и только спустя некоторое время продолжил: – «Дела у нас вроде ничего. Я учусь на педиатра, не отличница, но стараюсь. Может, и получится из меня нормальный детский врач, постучи по дереву! Скоро мой день рождения, а тебя снова не будет. Жалко, очень жалко! Двадцать шесть – это ж с ума сойти. Вот время летит, да? Мама все уши прожужжала, что рожать пора. Я давно уже встречаюсь с одним парнем, он тоже на врача учится, только на хирурга. Его зовут Егор, он такой хороший! И всегда обо мне заботится. Может, действительно пора, как думаешь? Небось, внука-то хочется? Или внучку. Хотя нет, пусть будет мальчик, а то ты с одними женщинами в семье с ума сойдешь, ха-ха, шучу. Ладно, посмотрим. Сначала с учебой и работой разберусь. Ты прости, что все так сумбурно, просто почтальон скоро уходит, а у нас от вестей, что за этим твоим туманом есть кто-то живой, голова кругом. Не сомневаюсь, что ты жив, вот нисколько не сомневаюсь! И дядя Юра тоже. Передай, что я его помню! От мамы привет ему большой. Напиши, как только сможешь, хорошо? И вообще интересно, как у вас там житье-бытье, хотя как подумаю – мурашки по коже. Ну, пора закругляться. Надеюсь, мы скоро увидимся! Целую, люблю и очень скучаю! Твоя Мышка-Норушка».

Закончив читать, Болотов поднял на Калинина повлажневшие глаза. Тот смотрел на друга абсолютно стеклянным взглядом.

* * *

Война.

Третья мировая. Последняя. Шестого июля две тысячи тринадцатого.

Жирная точка в истории человечества, которым смерть наконец-то наелась досыта.

Болт первое время выпрашивал у тех, кто оказался в тот день на прогулке, как оно... Как оно вообще. И все рассказывали практически одно и то же.

Первыми были птицы.

Следом, подхватывая одна за другой, завывли по всем периметрам сторожевые собаки. Выведенные на прогулку во внутренний дворик заключенные, замерев и запрокинув головы, провожали взглядом чудовищную черную тучу, которая, оглушая окрестности испуганным граем, стремительно неслась прочь. А потом со стороны города заунывно потек сигнал воздушной тревоги.

– «Атом»! – донеслось из громкоговорителей по периметру.

– Война! – заорал страшное слово кто-то ярусом выше, гулко гремя подошвами по решетке-потолку...

– Чего орешь? – сипло окликнул кто-то.

– Мировая!

– Досиделись, – веско пробормотал тучный Сом с пышными, висящими подковой усами. Он кинул окурок на землю и, сунув руки в карманы брюк, основательно и неторопливо раздавил его носком ботинка, словно стоял в очереди к пивному ларьку.

– За неделю выпили всю водку, ожидал голодный рацион! – перекикая поднявшийся ор, заголосил Труха, оскалившись и воздев руки к забранному решеткой небу. – Заливать тогда мы стали в глотку керосин, бензин, одеколон!

Метались люди. Рвась с поводков, выли сторожевые собаки. Кто-то не выдержал, врезал одной прикладом по морде – завизжала, брызгая красным...

Вдруг послышался гулкий грохот, и небо стало ослепительно белым. Задрожала земля – волнами, по нарастающей, от мелкой вибрации до утробно рокочущих ударов, сшибающих с ног. Охрана, надрывая глотки, гнала лебедей и сама бежала внутрь. Чудовищная волна с оглушительным воем смела с неба облака, превращая их в тонкие спицы и распыляя гущу ошалело мечущихся птиц. По решетке-потолку внутреннего дворика градом забарабанили голубиные головы, а со стороны Соликамска поднялись клочковатые дымные горбы.

Впоследствии Болт много думал о страшном Последнем дне и все никак не мог понять, почему его называли войной. Воевали всякие Кутузовы, Чапаевы, Гитлеры, Наполеоны со Сталиными. А тут всему пришел конец за каких-то несколько часов. Шарахнули друг по другу и разошлись. Выдернули шнур из розетки. Пумц. Game over.

Война – это люди, кровь, подорванные танки, огрызающиеся доты и кружащиеся в пляске смерти гулкие вертолеты. Это пустая рюмка, накрытая подсохшей краюшкой. Это бабушки и дедушки, от которых пахло еще «теми» духами. Застолья и обязательно истории с песнями. Бархатные шкатулки, в которых бережно хранились медали. Слезы, морщинистые улыбки, гвоздики. Навсегда изувеченные души, пытавшиеся приспособиться к миру, который спасли. Который с каждым годом забывал их все сильнее. Лепил из страны что-то уродливое и непонятное – сначала с толкучками в пустых магазинах, килограммом сахара в одни руки, размокшими в грязной луже картонками на стихийных рынках, а затем – с помпезно открывающимися на каждом углу храмами. Мир постепенно, но так неумолимо задвигал выживших куда-то в сторону как нечто неудобное и неуместное, что лучше прикрыть салфеточкой или спрятать за фикусом, а на заброшенных, прокопченных дотах, когда-то переделанных под склады или бани, теперь строил роскошные коттеджи.

А настоящих героев становилось все меньше, и память о страшнейшем времени в истории двадцатого века в глазах молодежи изжила себя до брэнда. Просто в этот день уже практически не было кого навещать, разве только могилы, где оставалось лишь хлопнуть по поводу «Спасибо деду за победу»! Эту фразу Болт ненавидел больше всего. Сосед по гаражу такую наклейку на свою машину наклепил, а через день ему неизвестно кто заднее стекло кирпичом вышиб.

Болт прекрасно понимал, что им, выжившим в Катастрофе, никогда не понять того подвига. Им просто не дали воевать и, возможно, совершить свой: раз – и мир стал пустым. С доски смахнули фигуры. Да и за что ему, Гене Болотову, было бы воевать? Однако для чего-то мироздание решило сохранить Болта и остальных... В чем же их предназначение? Может, и ни в чем вовсе. Может, они теперь просто батарейки, поддерживающие существование некоей Матрицы.

Жалел ли Болт о содеянном? Нет. Ни на секунду. И мало этого – если бы судьба позволила повторить, он, не задумываясь, совершил это снова. Даже зная, что его ожидает в последующем. Изначально он еще надеялся, что их не найдут. Кому интересна троица наркоманов? Потом надеялся, что не найдут его. Потом – что оправдают. Теперь же... А что теперь изменилось в его отношении к тем подонкам, которые убили его семью ради горсточки золотых побрякушек? Его маленькую девочку... Обеих его девочек – жену Светлану и дочь Полинку. Да ничего не изменилось! Он снова запер бы тех тварей в гараже и вновь отрезал от каждого по кусочку. Медленно. Отрешенно. Но старательно. Со вкусом. Как мишленовский Шеф от дорогого ломтя элитной говяжьей вырезки.

Да, месть не затушила гнев и боль утраты. В это верят только дураки или наивные идиоты. Ни хрена время не лечит, ему плевать. А то, что он теперь здесь, в этой камере, – так какая разница, в каком месте испытывать боль?

Он внутренне благодарил начальство, что в свое время стрелки со всех часов – кроме электронных, но таковых в их блоке не водилось, слава богу, – сняли. В безвременье было намного проще.

Угнетало только, что он может еще много-много лет прожить в своей бетонной конуре, пока однажды не превратится в горстку пепла, часть которого захоронят на кладбище возле церкви, а часть засыпят в гильзу, заткнут комком грязи и прикопают около переправы, на границе Острова и Хмари. В месте, которое называли форпостом. Откуда пошло это поверье, что особый отряд на форпосте охраняет единственную переправу на Остров, никто уж и не помнил.

Еще время от времени тревожно поднимало голову осознание, что боль не утихла после того, как он расправился с теми подонками. Не было успокоения. И не будет. Он это прекрасно знал. И жалел только о том, что не может убить тварей снова. И снова. Да, иногда все-таки получалось. Но только во сне.

Для чего?

Для кого?

А может, он и зря их порезал? Ведь пришло письмо, самое настоящее письмо в хрустящем новеньком конверте. Из того мира, где Поинка и Света выжили...

ПА-3-3!

Болт дернулся от резкого писка. С потолка, щелкнув и мигом пожрав темень, брызнул ослепительный свет.

Побудка.

Откинув одеяло, Болт рывком сел, поставив ноги на пол, холод которого проникал даже сквозь штопанные Асей шерстяные носки.

Ладно. Мыться, завтракать. Потом в гараж.

Снова пора копошиться на крошечном пяточке Острова, до которого однажды в мгновение ока сжался весь огромный, необъятный мир. И в этом маленьком тлеющем муравейнике все было просто и ясно.

Глава 3. Пепел

Февраль 2035

Исправительная колония особого режима для пожизненно осужденных, известная как «Белый лебедь», была одной из самых строгих тюрем России. Откуда появилось такое название, никто не знал: то ли по аналогии с цветом стен зданий, то ли от способа перемещения заключенных по территории – наклонившись вперед и закинув за спину руки, – то ли потому, что во дворе тюрьмы находился памятник белым лебедям. Еще пользовалась популярностью версия про своего рода «лебединую песню» заключенных. Так или иначе, попасть сюда было хуже некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.